

ЕВРИПИД**МЕДЕЯ**

Перевёл с древнегреческого Вланес

КОРМИЛИЦА

Ах, если бы Арго не выпорхнул из пасти
свинцовых Симплегад, в Колхиду отлетая,
и если бы сосна в долине Пелиона
не рухнула ничком и вёслами не стала
в ладонях смельчаков, для Пёлия добывших
волшебное руно, то бедная Медея
тогда бы не вошла в иолкскую твердыню,
израненной душой кормя любовь к Ясону,
и юных Пелиад затем бы не склонила
к убийству их отца, не стала бы в Коринфе
жить с мужем и детьми, в изгнании, приятном
всем жителям страны, и царство украшая,
и делая добро любимому Ясону!
Как это хорошо, как это благотворно,
когда жена и муж не затевают ссоры!
Но в дом пришла война. Любовь совсем зачахла.
Предав своих детей и госпожу отвергнув,
на царскую постель с наследницей Креонта,
правителя страны, Ясон теперь ложится.
Медея то кричит про горький стыд бесчестья,
про клятвенный обет, рукою правой данный,
и молит всех богов увидеть, как достойно
Ясон ей заплатил за все благодеянья,
то целый день лежит, не прикасаясь к пище,
течение часов слезами растворяя
и помня каждый миг о подлости супруга!
Не поднимая глаз, лицо к земле приблизив,
похожа на скалу, встречающую волны,
словам своих друзей внимает безучастно,
лишь вертит иногда жемчужно-белой шеей,
рыдая по себе, и по отцу родному,
по родине своей, по чести осквернённой,
растоптанной навек предателем жестоким!
Страдалицу теперь несчастье научило,
как родину бросать, как убегать из дома!
На мальчиков своих оставится угрюмо,
а я вся трепещу. Что там у ней за мысли?
Такой могучий дух с обидой не смирится.
Я знаю госпожу и сильно опасаюсь,
что меч она вонзит кому-то прямо в печень,
проникнув тайно в дом, где украшают спальню,
что и царя убьёт, и жениха зарежет,
и для самой себя устроит ад кромешный!

Она ведь сущий зверь! Не просто с ней сразиться
и, битву пережив, уйти домой с победой.
А! Мальчики пришли! Набегались на воле,
не думая совсем о скорби материнской!
Конечно, детский ум печалиться не любит.

ПЕДАГОГ

- Седая собственность моей хозяйки славной,
зачем ты у ворот стоишь осиротело
и горести свои себе же возвещаешь?
Неужто даже ты Медее надоела?
- Корм. Ясоновых детей наставник престарелый,
господская беда, как ты прекрасно знаешь,
и слугам преданным отягощает сердце.
Достигла я уже такого иступленья,
что небу и земле рассказываю повесть
о бедной госпоже, измученной несчастьем!
- Пед. Так, значит, горевать она не перестала?
Корм. Завидую тебе! Не вышло и полгоря!
Пед. Невежа, если так назвать хозяйку можно!
Она не слышала про новые несчастья!
- Корм. Про что, старик? Скажи! Не вздумай отмолчаться!
Пед. Да вовсе ни про что. Я рот открыл напрасно.
Корм. Мы оба ведь рабы! Пожалуйста! Касаюсь
и бороды твоей! Клянусь хранить молчанье!
- Пед. Сумел подслушать я, как будто ненароком
приблизившись к столам, у славных вод Пирёны,
где старики сидят, весь день играя в кости,
что наших мальчиков желает из Коринфа
с их бедной матерью прогнать властитель здешний,
по имени Креонт. Насколько это правда,
о том не ведаю. Соврать я был бы счастлив.
- Корм. Потерпит ли Ясон, чтоб сыновья родные
такое вынесли, хоть он и враг супруге?
- Пед. Разрушить старое для нового придётся,
он больше не родной в покинутом семействе.
- Корм. Ну всё, конец пришёл! Не вычерпали старой,
а нас теперь зальёт и новою бедою!
- Пед. Да успокойся ты! Хозяйке нашей рано
об этом узнавать. Не вздумай проболтаться!
- Корм. Вы, дети, слышали, какой у вас родитель?
Будь проклят... нет, не будь... он всё же мой хозяин,
однако с близкими он дурно поступает!
- Пед. Не как любой из нас? Неужто непонятно,
что всякий человек себя лишь обожает
(один заслуженно, другой своекорыстно),
что слаще всех детей постельные утехи?
- Корм. Судьба нас пощадит. Пора домой вам, дети!
Ты по возможности держи мальцов подальше
от хмурой матери, не подходи к ней близко!

Я видела сама: глядит на них по-бычьи,
о чём-то думая. Конечно, эта злоба
не успокоится, не поразив кого-то,
пусть лучше уж врагов, а не своё семейство!

МЕДЕЯ (*изнутри дома*)

Боже мой!

Как же тошно, и плохо, и тяжело!

Горе-горькое! Как мне погибнуть?

Корм. Ах вы, детки! У матери вашей

сердце брызжет, вздувается желчью!

Поскорее к себе убегайте,

укрывайтесь от глаз материнских,

не ходите вы к ней, берегитесь

этой злобы, ужасного свойства

непреклонного сердца!

Ну, бегите домой поскорее!

Поднялась и уже набухает

смолянистая туча, и скоро

грянет гневом! На что же решиться

неспокойной душе, распалённой,

совершенно растерзанной горем?

Мед. Ай-ай!

Что за муки! Как рвутся из горла

комья стонов! Проклятые дети

гадкой матери, будь вы неладны

вместе с вашим отцом и всем домом!

Корм. Что за ужас! Опомнись, бедняжка!

Разве дети в злодействе отцовом

виноваты? За что их порочить?

Как за вас беспокоюсь я, дети!

Беспощаден характер господский!

Кто привык отдавать приказанья,

тот не очень справляется с гневом!

К равноправию лучше привыкнуть

и, не зная ни блеска, ни славы,

тихо, мирно тянуть до кончины!

Воздержанье! Ты дивное слово!

И победы твои превосходны!

Все излишества плохо влияют

на короткую жизнь человека,

обостряя беду, если в гневе

бог семью принимается рушить!

ХОР

Я услышала стон, я услышала крик

вашей бедной колхидянки! Разве она

не нашла утешенья? Старуха, ответь!

В этом доме двухдверном рыданья звучат!

Как мне, женщина, петь? Как, родная, плясать?

Я ведь знаю, что рядом томятся друзья!

- Корм. Той семьи больше нет! Развалилась!
Муж блаженствует в царской постели,
а жена убивается в спальне!
Несмотря на старания близких,
госпожа не смирилась нисколько!
- Мед. Ай-ай!
Светоч божий, пронизай мне темя!
Что мне в этой тоске бесконечной?
Горе! Горе! Отвязана смертью,
уплыву я от мерзостной жизни!
- Хор Слышишь, Зевс, и Земля, и божественный свет,
как тоскливо рыдает и криком кричит
молодая жена?
Зачем так стремиться страстно,
безумная, к ложу смерти?
Зачем торопить кончину?
Об этом не молят люди!
Твой милый нашёл другую?
Не надо так истязаться!
Защита придёт от Зевса!
Не слишком страдай по мужу!
- Мед. О, Фемида, великая силой!
Артемида! Как больно, богиня!
Он ведь клялся! Ужасною клятвой!
Ах, увидеть бы гибель подонка,
и невесты, и царского дома,
так бессовестно мне навредивших!
Ах, отец мой! Ах, город любимый!
Ах, мой братец, позорно убитый!
- Корм. Вы слышали? Она призывает
и Фемиду, хранящую клятвы,
и Зевеса, владыку обетов!
Этот гнев оскорблённой хозяйки
сам собой никогда не смирится!
- Хор Почему не посмотрит нам прямо в глаза,
почему не послушает наши слова,
не поймёт нашу мысль?
Как справиться с горьким гневом
и негодованьем сердца?
Однако друзей любимых
не брошу я на погибель!
Ступай, приведи бедняжку!
Скажи, что её мы любим!
Беги, чтоб не вышло горя!
Она вся кипит от скорби!

- Корм. Всё исполню! Боюсь, что непросто
убедить госпожу!
Но для вас, так и быть, постараюсь,
хоть и львицей, недавно родившей,
мечет взоры на слуг, если кто-то
подойдёт и о чём-нибудь спросит!
Наших предков за глупость ругая,
ты от истины не отделишься.
Для пиров они гимны сложили,
для обедов и праздников светлых,
благозвучные прелести жизни,
но никто от печали проклятой
не нашёл многострунных мелодий,
вот поэтому рушатся семьи
от смертей, от жестокого рока!
Сердцу музыкой нужно лечиться,
на пирах же, богатых и пышных,
для чего понапрасну горланить?
Пир своим угощеньем приятен
и людей сам собой услаждает!
- Хор Мне слышен стон, мне слышен плач,
протяжный вопль, истошный крик
о муже, совершившем зло!
Она, безвинная, зовёт
Фемиду, Зевсову судью,
которая вела её
в Элладу, сквозь понтийский ключ,
окутанный враждебной тьмой!
- Мед. Коринфянки мои! Ругать меня не нужно.
Я вышла к вам теперь. У вас полно спесивцев,
собой кичащихся и на глазах народа,
и дома у себя. Немало есть и праздных,
безропотных людей, не созданных для чести.
Но смертные глаза всегда несправедливы.
Не видя ближнего, нутра его не зная,
глаза корят его. А чем он провинился?
Смиряться должен гость и уважать законы,
а не вести себя, как местный задавака,
своим невежеством весь город возмутивший.
А мне такой удар, и тяжкий, и неожиданный,
всё сердце раздробил! Я гибну совершенно!
Померкли небеса! Я смерть зову, подруги!
Муж, бывший для меня блистающей вселенной,
мой милый, мой родной, мерзавцем оказался!
Из всех осмысленных, одушевлённых тварей
нам с вами, женщины, дышать всего труднее.
Сначала мы должны купить за кучу денег
себе сожителя и собственное тело

мужчине подчинить! Какое непотребство!
 Всё это как игра. Что вытянешь, не знаешь.
 Мерзавца или нет? Разводы нас не красят,
 и женщинам нельзя от мужа отказаться!
 Порядки новые с трудом перенимая,
 должны мы угадать, нас дома-то не учат,
 как приспособиться к чужому человеку.
 Когда усердны мы, и мужа услаждаем,
 и с нами он живёт без явной неприязни,
 то мы и счастливы. Иначе всё пропало!
 Мужчина, угнетён разросшимся семейством,
 идёт куда-нибудь и облегчает сердце,
 то к другу своему, то к сверстнику заходит,
 а мы сидим, сидим, глядим в свою же душу.
 Нам любят говорить, что мы живём без риска,
 за крепкими дверьми, а сильный пол воюет.
 Какие олухи! Я со щитом три раза
 стоять бы предпочла, чем раз родить ребёнка!
 Однако жизнь твоя с моею несравнима,
 есть город у тебя, и дом отцовский полон
 сообществом друзей, коловращеньем жизни,
 а я совсем одна, унижена, бездомна,
 силком увезена из варварских пределов,
 меня ни мать, ни брат, ни родственник не может
 в спокойной гавани укрыть от этой бури!
 Я попрошу тебя лишь об одной услуге:
 когда я отыщу какое-нибудь средство
 и мужу отомстить за сделанную подлость,
 и выдавшему дочь, и выскочившей замуж,
 пожалуйста, молчи! Да, женщина труслива,
 теряется в бою, дрожит при виде стали,
 но если в браке с ней поступят не по правде,
 то ни в одной душе нет большей жажды крови!
 Медея, хорошо! Ты мужа покарнешь!
 Не удивительно, что ты в такой печали!
 Но вот идёт Креонт, правитель государства,
 тебе он сообщит про новые решенья!

Хор

КРЕОНТ

Угрюмой, бешеной и на супруга злой
 Медее мы велим покинуть нашу землю,
 уйти в изгнание, забрав двоих детей,
 незамедлительно! Я сам тебе доставил
 мой собственный приказ, и не вернусь домой,
 не выдворив тебя за грань моих владений!

Мед.

Ах, я страдальца! Теперь уж мне конец!
 Враги сюда идут под всеми парусами,
 а где спасение, где выход из беды?
 Терпя такое зло, спрошу тебя, однако:
 зачем же ты, Креонт, решил меня изгнать?

- Кр. Затем что я боюсь, отвечу откровенно,
что дочери моей ты сильно навредишь.
Есть множество причин для этих опасений,
ты мудрой рождена и сведущей во зле,
притом печалишься, ложаешься в постель без мужа,
и яростно грозишь, как сообщают мне,
и тестю жениха, и жениху с невестой
наделать пакостей. Но я мой дом спасу!
Мне лучше, женщина, тебе быть ненавистным,
чем слабость проявить, а после горевать!
- Мед. Вот ужас-то!
Креонт, не в первый раз такое происходит,
от славы собственной так часто я страдаю!
Разумный человек не должен, право слово,
чрезмерное давать образование детям,
их в городе сочтут не только болтунами,
но будут к ним питать убийственную зависть!
Идеи новые невежам предлагая,
ты сразу прослывёшь негодным, недалёким,
а если превзойдёшь прославленных учёных,
то станешь городу невыносимой ношей.
С подобным жребием и я уже столкнулась:
поскольку я умна, одним кажусь я скверной,
другим уклончивой, а третьим прямодушной,
четвёртым чёрствою! Но я не так разумна!
Боишься ты. Чего? Что будешь мной расстроен?
Я неспособна ведь – Креонт, не беспокойся –
атаковать людей, сидящих на престоле!
Ты чем задел меня? Ты дочку замуж выдал
велением души. Я мужа ненавижу,
а ты, мне кажется, решил благоразумно,
и к благу твоему я зависть не питаю.
Женитесь, счастья вам! Но дайте мне возможность
остаться тут, в стране! Обижена я крепко,
но буду тихо жить и уступлю сильнейшим!
- Кр. Ты мягко говоришь, однако страх таится
под сердцем у меня, что ты беду готовишь.
Не верю я тебе. Теперь уже ни капли.
Горячий женский ум, да и мужской, конечно,
удобней просчитать, чем неприметно мудрый.
Давай же, уходи! Довольно разговоров!
Я твёрдо всё решил! Ты хитростью не сможешь
остаться тут, при нас, враждебная злодейка!
- Мед. Я у колен твоих! Молю невестой вашей!
- Кр. Напрасно слов не трать! Меня не переломишь!
- Мед. Меня ты выгонишь и просьбы не уважишь?
- Кр. Ты мне не так мила, как близкие мне люди!
- Мед. О родина моя, как ты терзаешь память!
- Кр. Она в душе у нас лишь детям уступает.
- Мед. Ах, боже! Сколько слёз приносят нам Эроты!

- Кр. Кому как повезёт, как сложится по жизни.
Мед. О Зевс, не дай уйти виновнику несчастья!
Кр. Безумная, ступай! Довольно мне мучений!
Мед. Сама я мучаюсь, мне мук твоих не нужно!
Кр. Сейчас мои рабы тебя взашей прогонят!
Мед. Пожалуйста, Креонт, не надо, умоляю!
Кр. Ну, женщина, смотри! Ты мне надоедаешь!
Мед. Всё-всё! Я ухожу! Но просьба не об этом!
Кр. Чего ты пристаёшь и руку мне сжимаешь?
Мед. Один лишь этот день позволь мне задержаться,
чтоб я могла решить, куда идти, как денег
для мальчиков достать, ведь их отец любимый
судьбою сыновей никак не озабочен!
Ты жалость прояви – ты ведь и сам родитель,
тебе благоволить естественно к потомству!
Я об изгнании не так переживаю,
как о судьбе детей, страдающих безвинно!
- Кр. Нет, я не наделён решимостью тирана,
моя покладистость мне много раз вредила.
Я вижу, женщина, что делаю ошибку,
но будь по-твоему. Запомни: если встретит,
поднявшись над землёй, летучий факел бога
тебя и сыновей в пределах государства,
ты будешь казнена! И я не лгу нисколько!
Раз нужно, задержись. Я думаю, что за день
тебе не натворить ужасных злодеяний!
- Хор Горемычная,
ты совсем онемела от скорби!
Где защита, где дом дружелюбный,
где страна, где ты сможешь укрыться?
Как найти это всё?
В безысходную бездну страданий
бог тебя ниспровергнул, Медея!
- Мед. Везде всё рушится. Кто будет прекословить?
Но это не конец, не надо торопиться!
Есть испытания ещё для новобрачных,
немалые труды для родственничков этих!
Да разве стала бы пред ним я пресмыкаться
без выгоды своей, без повода для козней?
Не умоляла бы и рук бы не марала!
Однако он достиг такого скудоумья,
что, сердцем чувствуя мои поползновенья,
не выгнал прочь меня, но целый день отмерил,
когда моих врагов я превращу в три трупа,
отца, и доченьку, и моего супруга!
Есть многие пути для их уничтоженья,
и не решила я, какой мне взять, подруги,
спалить ли пламенем их брачные покои,

вонзить ли острый меч подонкам прямо в печень,
 проникнув тайно в дом, где украшают спальню?
 Но беспокоюсь я – а вдруг меня поймают,
 крадущуюся в дом с намереньем недобрым?
 Тогда ведь я умру под хохот этих тварей!
 Нет, лучше путь прямой, где нам сама природа
 блистать позволила – перетравить их ядом!
 Ну, решено!
 Допустим, все мертвы. Какой нас примет город?
 Какой приверженец нам кров и дом надёжный
 захочет предложить и нас обезопасит?
 Нет рядом никого! Я подожду немного,
 и если явится защитная твердыня,
 убийство совершу коварно и без шума,
 но если не найду решения другого,
 зарежу их, дойду до выси дерзновенья!
 Никто из них – клянусь владычицею, чтимой
 превыше всех других, помощницей моею,
 Гекатой дорогой, живущей в сердце дома –
 не будет ликовать, мне душу испоганив!
 Я сделаю тот брак и гибельным, и горьким,
 будь горьким их родство, как и моё изгнанье!
 Ну что ж, не поскупись природными дарами,
 подумай обо всём, искусной будь, Медея!
 Вперёд, на страшный бой! На испытанье духа!
 Ты слышишь боль свою? Но нет, под град насмешек
 тебя не поведёт сизифов брак Ясона,
 дочь знатного отца и Гелиоса внучку!
 Ты понимаешь всё... Вдобавок по природе
 мы, женщины, к добру нисколько не пригодны,
 мы злом пропитаны, и лишь на зло способны!

Хор

Воды божественных рек зажурчали вспять,
 правда и мера вещей – всё изменено.
 Души пропитаны злом, и сердца людей
 больше не верят богам!
 Впрочем, людская молва вознесёт меня
 и уваженье вернёт женщинам земли,
 больше никто не дерзнёт грязью нас пятнать!

Музы старинных певцов бросят петь о том,
 как вероломна и зла женская душа.
 Феб, царь мелодий земных, нас не наделил
 даром божественных струн,
 я бы исполнила гимн и про сильный пол!
 Много за тысячи лет скоплено легенд,
 жалящих равным стыдом женщин и мужчин!

Отцовский дом бросила ты, и сердце
 страстью сожгла, и раздвинула в море двойные скалы,

теперь же в чужом краю
 лежишь на постели брачной,
 одна, без объятий мужа,
 несчастная, дожидаясь
 позора изгнания!

Где в клятвах смысл? Где он теперь? Умчался
 стыд из Эллады великой, прорезав эфир небесный!
 В чертоги отца тебе,
 как в пристань, от зла не скрыться,
 бедняжка! Другой царевне,
 тебя превзошедшей в браке,
 твой дом подчинился!

ЯСОН

Не только в эти дни, но часто наблюдал я,
 что неумный гнев – неприбыльный порок!
 И эту землю ты, и дом бы сохранила,
 легко перенеся решения властей,
 а будешь изгнана из-за речей пустейших!
 Мне, впрочем, всё равно. Не прекращай везде
 долдонить, что Ясон – подлейший из мерзавцев!
 Такое про царей посмела ты сказать,
 что выгодно тебе отправиться в изгнание!
 Я рук не покладал, пытаюсь усмирить
 разгневанных господ, чтоб ты смогла остаться,
 но не хотела ты про дурь свою забыть,
 порочила царей – за то тебя и гонят!
 Но я своим родным и тут не изменил,
 явился, женщина, чтоб ты не уходила
 с дорожным кошельком и малыми детьми,
 в страданиях и нужде! Изгнание привлекает
 немало тягостей. Да, ненавидь меня,
 но странствий нищенских тебе я не желаю!
 Наипоганейший! Вот всё, что языком
 я вымолвить смогу! Ничтожная душонка!
 Пришёл ты к нам, пришёл, хотя осточертел
 богам, и мне самой, и всем живущим людям!
 Тут не бесстрашие, не величавый жест,
 напакостив родным, в глаза глядеть им честно,
 а наихудшая из немочей людских –
 бесстыдство! Хорошо, что ты теперь явился!
 Я душу освежу, наговорив тебе
 позорящих вещей, а ты страдай и слушай!
 С начала самого начну я свой рассказ,
 как я спасла тебя, и это знают греки,
 с тобой приплывшие на корабле Аргó,
 когда тебя к волам, живым огнём дышавшим,
 послали смертный луг пахать и засеивать.
 Дракону, свившему недремлющие кольца

Мед.

пред золотым руном, я жизнь оборвала
 и этим для тебя зажгла огонь спасенья.
 Предать осмелившись отца и дом родной,
 я в Пелиев Иолк приехала с тобою,
 влекома рвением, а не своим умом.
 Я Пелию дала ужаснейшую гибель –
 от рук его детей! Там всё разнесено!
 А ты, ничтожество, попользовался мною
 и вышвырнул за дверь! Жениться побежал!
 Но я ведь родила! Ты вовсе не бездетен,
 иначе новый брак смогла бы я понять!
 Что клятвы? Просто звук! Одно непостижимо:
 ты думаешь, вверху сменились божества,
 что у людей теперь законы изменились?
 Пойми же, наконец! Ты клятву не сдержал!
 Ах, правая рука! О, как тебя сжимали!
 Колени вы мои! О, как вас обнимал
 беспутный негодяй! Всё, кончены надежды!
 Давай по-дружески с тобой поговорю.
 (А что с ним говорить? Ну ладно, попытаюсь!
 При свете слов моих чернее станет грязь!)
 Куда податься мне? К отцу, в мой край родимый?
 Ведь я их бросила! И хуже! Предала!
 В дом бедных Пелиад? О да! С каким радушьем
 те пустят на порог убийцу их отца!
 Такие вот дела. И дома я злодейка,
 и тех, кому никак не стоило вредить,
 врагами сделала, служа тебе исправно!
 Гречанки думают, что ты взамен всего
 мне счастье подарил. Ах, что за муж чудесный,
 какой прекрасный друг достался бедной мне,
 когда меня теперь из царства выдворяют,
 одну и без друзей, с малютками-детьми!
 Ах, наш молодожён! Орёл! Родил двух нищих
 и по́ миру пустил заступницу свою!
 О Зевс, ты учишь нас от золота подделку
 по явным признакам надёжно отличать,
 ты выжег бы клеймо на теле негодяя,
 чтоб честный человек не связывался с ним!
 Ужасен гнев людской, и как его излечишь,
 когда в семье кипят, свирепствуют раздоры!
 Я должен, видимо, не худо говорить,
 пытаюсь, женщина, как наторелый кормчий,
 свой парус подбрав, на кромке лишь уйти
 от болтовни твоей, гремящей и бурливой.
 Свои заслуги ты до неба вознесла,
 но сберегла меня одна Киприда в море,
 и никакой другой ни бог, ни человек!
 Да, ум твой изощрён, а ложь твоя противна,
 мол, ты спасла мне жизнь, когда пускал Эрот

Хор

Яс.

в тебя, несчастную, рой стрел неотразимых!
 Я не хочу теперь в подробности входить,
 ты вправду помогла, и сделала немало,
 но выгоды твои от угожденья мне
 крупней твоих потерь. И вот они, причины!
 Во-первых, ты живёшь не с варварской ордой,
 а среди эллинов. Ты знаешь справедливость,
 которую вершит закон, а не кулак.
 Ты мудростью своей известна всей Элладе.
 Переместив свой дом на самый край земли,
 ты не смогла бы стать предметом разговоров.
 Ни золота иметь я в доме не хочу,
 ни гимны сочинять искуснее Орфея,
 в удел не получив прославленной судьбы!
 Вот я и объяснил, как я всё понимаю,
 сама ты начала словесный этот бой!
 Ты сердишься за брак, с царевной заключённый,
 а я вот покажу, что я, во-первых, мудр,
 и, во-вторых, смышлён, и что я друг вернейший
 тебе и мальчикам. Довольно! Помолчи!
 Приехал я сюда от берегов Иолка,
 увешан гроздьями непоправимых бед,
 чего же более удачного найти мне,
 чем брак с царевною? Что делать беглецу?
 А ты не беленись! Я нас не опозорил,
 невесту новую распутно не желал,
 и в многодетности не думал состязаться,
 вполне хватает мне вот этих сыновей!
 Я, главное, хотел, чтоб жили мы прилично,
 не зная бедности! Понятно, что друзья
 умчатся во всю прыть, как только нищим станешь!
 А я хотел детей достойно воспитать,
 дать братьев сыновьям, тобой уже рождённым,
 их сделать равными, семью объединить
 и благоденствовать! Ещё рожать ты хочешь?
 А я хочу детьми, которых заведу,
 помочь вот этим двум! Да разве это плохо?
 И ты кивнула бы, когда бы новый брак
 тебя так не сердил! Все женщины такие –
 когда семья крепка, у вас в руках весь мир,
 а если, не дай бог, постель начнёт крениться,
 то безупречнейший, наичестнейший муж
 становится врагом! Нам нужно по-иному
 детей производить, чтоб вымер женский пол,
 и человечество тогда вздохнёт свободно!
 Хор Ясон, ты речь свою построил хорошо,
 но я скажу тебе, пусть против ожидания:
 супругу предал ты, и в этом ты неправ!
 Мед. Как отличаюсь я от заурядных смертных!
 По мне так негодяй, метатель умных слов,

- себе же самому наносит вред сильнейший.
 Хвалясь, что языком прикроет свой порок,
 он смеет пакостить, но без ума большого.
 Таков, дружок, и ты. Но в позу не вставай,
 лишь слово я скажу, и будешь на лопатках!
 Другой бы, не подлец, меня уговорил
 согласие дать на брак, тайком бы не женился.
- Яс. А ты бы ринулась поддерживать меня,
 про этот брак узнав! Ты и теперь не можешь
 под сердцем усмирить остервенелый гнев!
- Мед. Не в этом суть, а в том, что варварка-супруга
 тебя под старость лет не станет украшать!
- Яс. Пойми ты, наконец! Не ради женской ласки
 союз я заключил с наследницей царя,
 но, как уже сказал, тебя спасти желая
 и братьев царственных от одного отца
 дать нашим сыновьям, чтоб род наш укреплялся!
- Мед. Не нужно жизни мне богатой и пустой,
 не нужно сытости, томящей ум и сердце!
- Яс. Хотя бы притворись, что стала ты мудрей,
 пускай полезное не кажется прискорбным,
 благополучие несчастьем не считай!
- Мед. Давай, глумись всюю! Ты получил защиту,
 а я в изгнание пойду совсем одна!
- Яс. Ты это выбрала, и не вини другого!
- Мед. А что я сделала? Женилась, предала?
- Яс. Бросала ты царям преступные проклятья!
- Мед. Проклятьем буду я и дому твоему!
- Яс. Я больше говорить об этом не желаю!
 Но если хочешь ты себе и детям взять
 в дорогу дальнюю какие-нибудь деньги,
 сама мне сообщи. Я денег принесу
 и знаков гостевых, чтоб вас друзья пригрели.
 Всё это, женщина, неумно отвергать.
 Переставай кипеть, и выгадаешь больше!
- Мед. Мне от друзей твоих не надо ничего,
 и помощью своей мне душу ты не пачкай,
 нет пользы никакой в подарках подлеца!
- Яс. Пусть боги вышние свидетелями будут,
 что я хочу помочь тебе и сыновьям!
 Отвергла ты добро! Ты дружескую помощь
 надменно отмела! Ну что ж, тогда страдай!
- Мед. А ты катись к жене, объезженной недавно!
 От спальни отошёл, и весь уже горишь!
 Беги, люби её! И, может, волей бога
 ты так наженишься, что кровью истечёшь!

Хор

Стаи шумливых Эротов
 нам не приносят ни славы,
 ни уважения смертных,
 если же скромно Киприда
 близится, то не бывает богини прелестней!
 Но, госпожа, неизбежной стрелою, намазанной страстью,
 не отягчай ты свой лук золотой!

Пусть бережёт нас воздержность,
 лучший подарок бессмертных,
 пусть ни жестоких раздоров,
 ни бесконечных терзаний,
 душу смущая влеченьем к супругу чужому,
 не насылает Киприда, но ценит безбурные браки,
 зная, кого за кого выдавать!

Милый мой дом! Край мой родной!
 Как я боюсь вас потерять!
 Как я боюсь жизнь провести
 в дальней стране, как в западне,
 тая в слезах, плача навзрыд!
 Нет, лучше смерть! Пусть я умру,
 не пережив горестный день!
 Нет ничего в мире страшней,
 чем оборвать корни свои!

Всё, что теперь мы говорим,
 то не чужой чей-то рассказ!
 Друг никакой, град никакой
 не исцелил сердце твоё,
 сжатое вмиг страшной бедой!
 Пусть пропадёт, канет в позор
 тот, кто друзей не поддержал
 и наследил в чистой душе!
 Нужен ли мне этакий друг?

ЭГЕЙ

Медя, радуйся! Приветствуя друзей,
 никто прекраснее вступления не знает!

Мед.

Что ж, радуйся и ты, сын мудрого отца,
 Эгей Пандионид! Откуда в наши земли?

Эг.

Я Феба навещал, оракул вековой.

Мед.

Зачем же Пуп Земли проведывал ты вещий?

Эг.

Узнать, где семя взять и деток наплодить.

Мед.

О, небожители! Ты всё ещё бездетен?

Эг.

Бездетен! Так велел, должно быть, некий бог!

Мед.

А ты теперь женат? Холостяком остался?

Эг.

От ложа брачного я не был отпряжён.

Мед.

И что поведал Феб о будущем потомстве?

Эг.

Слова мудрёнее, чем нам дано понять!

Мед. А мне позволено узнать реченье бога?
 Эг. Да, разумеется! Тут острый нужен ум!
 Мед. Что бог тебе прорёк? Скажи, раз позволяешь!
 Эг. «Не распускать ноги, торчащей в бурдюке...»
 Мед. Чего не выполнив? Придя в страну какую?
 Эг. «...до возвращения к родному очагу.»
 Мед. Зачем же в этот край ты по морю приехал?
 Эг. Питфей тут есть один, земли трезенской царь.
 Мед. Да, славный Пелопид, образчик благочестья!
 Эг. Я поделиться с ним пророчеством хочу.
 Мед. Он мудрый человек и дельный толкователь.
 Эг. Он мой любимейший товарищ боевой!
 Мед. Ну, славного пути! Да сбудутся желанья!
 Эг. А почему твой взгляд от плача помутнел?
 Мед. Эгей! Супруг мой стал подлейшим человеком!
 Эг. О чём ты? Говори! Что за беда стряслась?
 Мед. Ясон прогнал меня! Безвинно! Беспричинно!
 Эг. Чего он натворил? Ты внятно Расскажи!
 Мед. Другая женщина теперь хозяйка дома!
 Эг. Да как же он посмел устроить этот срам?
 Мед. Пойми же, я никто! Без имени, без мужа!
 Эг. Другую встретил он? Пресытился тобой?
 Мед. Он по уши влюблён, и от семьи отрёкся!
 Эг. И бог с ним, с дураком, раз он такой подлец!
 Мед. Ещё он полюбил своё родство с царями!
 Эг. А кто отец жены? Скорее, не томи!
 Мед. Креонт её отец, великий царь Коринфа!
 Эг. Понятно, женщина. Тут всякий заревёт!
 Мед. Я уничтожена! Меня к тому же гонят!
 Эг. Чьим повелением? Ещё одна беда!
 Мед. Креонт лишил меня коринфского гражданства!
 Эг. Ясон согласен с ним? Я это не хвалю!
 Мед. Он против на словах, но радуется сердцем!
 Тебя молю я, друг, твоею бороною,
 к твоим коленам я смиренно припадаю,
 ты пожалей меня, ты смилуйся над бедной,
 ты молча не смотри на путь мой сиротливый,
 открой изгнаннице и отчий дом, и царство!
 Пусть боги утолят в тебе потомства жажду,
 пусть радостно, легко ты доживёшь до смерти!
 Я стану для тебя невероятным кладом,
 бездетность прекращу и семена потомства
 посею для тебя лекарствами моими!
 Эг. По множеству причин тебе пойти навстречу
 хочу я, женщина: и для богов, конечно,
 и для семян детей, обещанных тобою.
 Совсем я сбился с ног! Не знаю, что и делать!
 Я вот как поступлю. Когда ко мне приедешь,
 то я попробую тебя принять по чести,
 однако, женщина, предупреждаю сразу,

- я лично не смогу тебя забрать отсюда!
Из царства этого сама найди дорогу.
Когда придёшь ко мне, то будешь под защитой,
я никому тебя из рук моих не выдам,
и здешние друзья винить меня не станут!
- Мед. Изволь. Ещё бы мне какую-нибудь клятву,
и буду я тогда совсем тобой довольна.
- Эг. Ты что, не веришь мне? К чему такая просьба?
- Мед. Я верю. Но меня дом Пелия с Креонтом
сжить со свету хотят! Обременённый клятвой,
ты не позволишь им забрать меня обратно.
Сказав одни слова, но не призвав бессмертных,
возможно, как-нибудь с врагами ты сойдёшься,
послов их пригласишь. Я ведь совсем бессильна,
у этих же и власть, и царский дом, и деньги!
- Эг. Я думаю, что ты не в меру осторожна,
но если требуешь, отказывать не буду.
Я этим и себя смогу обезопасить,
для недругов твоих придумав отговорку,
и милость проявлю. Назначь богов для клятвы!
- Мед. Землём поклянись, и Гелиосом ясным,
родителем отца, и всеми божествами!
- Эг. Что делать? Говори! Чего не надо делать?
- Мед. Что ты меня и сам не выгонишь из царства,
и никаким врагам не дашь меня похитить,
покуда будешь жив, по своему желанью!
- Эг. Клянусь я и Землёй, и Гелиосом ясным,
и сонмищем богов! Исполню всё, что слышу!
- Мед. Добро. А если ты нарушишь эту клятву?
- Эг. То пусть я пропаду, как всякий нечестивец!
- Мед. Иди же, радуйся! Теперь я всем довольна!
Незамедлительно в твой город я прибуду,
закончив здесь дела и своего добившись!
- Хор Спутник странствий далёких, сын Майи,
к двери дома тебя да приблизит,
да исполнишь ты всё, что задумал!
Ты душою велик,
царь Эгей! Мы уверены в этом!
- Мед. О Зевс, и Зевсов Суд, и Гелиоса свет!
Мы ныне победим своих врагов, подруги!
Всё будет хорошо, мы вышли на дорогу,
теперь я подлецов отменно накажу!
Стал этот человек в моём тяжчайшем горе
надёжной гаванью для всех моих решений,
к нему и привяжу мой кормовой канат,
придя в столичный град и славный край Паллады!
Сейчас я расскажу, что делать собираюсь.
Горьки мои слова, но выслушай меня!

Кого-нибудь из слуг пошлю сказать Ясону,
 что мне хотелось бы опять с ним повидаться.
 Когда он явится, покорно сообщу,
 что план его теперь мне кажется прекрасным,
 войти в семью царя, предательски нас бросив,
 что он похвально всё продумал и решил.
 Одно лишь попрошу – детей в стране оставить,
 не для того, чтоб здесь, во вражеских владеньях,
 глумились недруги над малыми детьми,
 но чтобы хитростью царевну изничтожить.
 И вот я их пошлю, в руках дары несущих
 невесте молодой, чтоб их не гнали прочь,
 ажурный пеплос мой и венчик златобитный.
 Едва нарядится, то и сама погибнет,
 и всякий человек, притронувшийся к ней,
 такими зельями дары я пропитаю.
 Ну и достаточно рассказывать об этом.
 Я плачу оттого, какое дело мне
 содеять предстоит, ведь я потом зарежу
 любимых мальчиков! Никто им не поможет!
 Стерев Ясонов род с поверхности земли,
 покину я страну, сбегу от вида крови
 ребёночков моих, от страшного злодейства!
 Мне хохота врагов, подруги, не стерпеть!
 И пусть. Что в жизни мне? Ни родины любимой,
 ни дома отчего, ни отвращенья бедствий!
 Ошиблась горько я, когда свой дом родной
 навек оставила, поверив басням грека,
 но, с божьей помощью, он мне за всё заплатит!
 Детей, рождённых мной, живыми никогда
 ему не увидеть, и с новобрачной новых
 детей не нарожать, поскольку гадкой гадко
 погибнуть предстоит от снадобий моих!
 Пускай меня никто не посчитает кроткой,
 безвольной, немощной, но именно напротив –
 безжалостной к врагам и любящей друзей,
 такие смертные живут славнейшей жизнью!
 Поскольку с нами ты всем этим поделилась,
 радея о тебе, законы уважая,
 мы снова говорим: приди в себя, опомнись!
 Нет, этому не быть! Но я тебя прощаю,
 жестоких бед моих, конечно, ты не знала.
 Ты, значит, посягнёшь на собственное семя?
 Я тем больней всего ужалю сердце мужа!
 Наинесчастнейшей ты женщиною станешь!
 Так, значит, суждено. Молчи уже об этом!
 Давай, беги скорей и приведи Ясона,
 моя помощница во всех делах негласных!
 Смотри же, милая, не вздумай проболтаться,
 раз госпожу ты чтишь и женщиной зовёшься!

Хор

Мед.

Хор

Мед.

Хор

Мед.

- Хор Эрехтеиды, блаженные вечно,
 дети богов, излучающих счастье,
 край ваш священный, не взятый врагами,
 вас превосходною мудростью кормит,
 вы же танцуете в чистом эфире,
 где, говорят, пиерийские Музы
 жизнь белокурой Гармонии дали.
- Из восхитительных струй кефисийских,
 молвят, Киприда воды зачерпнула,
 выдохом нежным родив дуновенье
 смирных ветров, источающих нежность.
 Пышными розами кудри украсив,
 повелевает Эротам богиня
 сесть возле Мудрости, мир улучшая.
- Тот город божественных рек,
 тот край, берегущий друзей,
 как смогут они выносить
 убийцу невинных детей
 в собрании граждан своих?
 Подумай – детей умертвить!
 Подумай – расплёскивать кровь!
 Мы все на коленях стоим,
 тебе всей душою кричим:
 не трогай, не трогай детей!
- Где мужество ты обретёшь,
 как сердце, и руку, и дух
 направишь на бедных детей,
 творя жесточайшее зло?
 И как, обращая глаза
 к малюткам, убитым тобой,
 ты сдержишь кипение слёз?
 Ты кровью молящих детей
 не сможешь окрасить ладонь,
 ведомую дерзкой душой!
- Яс. Звала ты? Я пришёл. Меня ты ненавидишь,
 но я не откажусь увидеться с тобою.
 Чего ты, женщина, теперь ещё желаешь?
- Мед. Ясон, прошу тебя всё сказанное прежде
 простить и наш разлад перенести спокойно,
 ведь много доброго мы сделали друг другу!
 Я тут сама себя недавно укоряла:
 «Зачем, упрямица, я так рассвирепела,
 зачем питаю зло к благоразумным людям,
 желая гибели правителям исконным
 и мужу моему? Он, милый, так заботлив!
 Царевну покорил, и нарожает братьев

моим же сыновьям! Не время ль отступить
 от гнева? Что со мной? Не любят ли нас боги?
 Бездетна разве я? Не понимаю разве,
 что нам, изгнанникам, друзья нужны, как воздух?»
 Я всё обдумала! Теперь я осознала,
 как я была глупа, как попусту сердилась!
 Ты просто молодец! Поступок твой логичен,
 твой брак поможет нам, а я была безумной!
 Мне следовало бы самой тебя направить,
 и нежно подбодрить, и отвести к постели,
 с твоей невестою блаженно породнившись!
 Конечно, мы есть мы. Я не скажу, плохие,
 однако женщины! Не подражай порокам,
 с моим ребячеством ребячеством не мерся!
 Готова я признать, что зла я вам желала,
 но изменилась я и стала дружелюбней!
 Эй, дети, слышите? Бегом из дома, дети!
 Приветствуйте отца, давайте же все вместе
 с ним побеседуем, давайте позабудем
 былую неприязнь! Вы маме подражайте!
 Мы все одна семья! Мой гнев пропал бесследно!
 Вы руку правую теперь отцу пожмите!
 Ах, боже всеблагой! Что вам судьба готовит?
 Вам, дети, долго ли живыми оставаться,
 протягивать ко мне ручонки дорогие?
 Заплачу я сейчас! Меня трясёт от страха!
 Смотрите! Мы с отцом все ссоры прекращаем!
 Ваш облик сладостный туманится слезами!
 И у меня в глазах поблескивают слёзы,
 пусть горе завершит свой путь неумолимый!
 Прекрасно, женщина! Я вовсе не сержусь,
 ведь роду вашему естественно беситься,
 когда супруг тайком вступает в новый брак.
 Но к лучшей участи ты сердцем тяготеешь,
 узнав победный путь, хотя и после нас!
 Всё это, женщина, дела души разумной.
 Вас, мальчики мои, отец не позабыл,
 но с помощью небес готовит вам блаженство!
 Я думаю, что стать первейшими людьми
 в Коринфе предстоит и вам, и вашим братьям!
 Вам нужно лишь расти, а прочее свершит
 отец, поддержанный благоволящим богом!
 Хочу я видеть вас могучих, молодых,
 здоровьем пышущих, врагов моих повергших!
 Чего ты жжёшь глаза сверкающей слезой
 и прочь воротись щекою белоснежной,
 совсем не радуясь рассказу моему?
 Да вовсе ничего. Я за детей волнуюсь.
 Не надо! Я их тут пристрою хорошо!
 Всё, я отплакалась. Не буду сомневаться.

Хор

Яс.

Мед.

Яс.

Мед.

Яс. Безвольна женщина и плаксой рождена.
 Мед. Зачем так жалобно стенала ты по детям?
 Ведь я их родила! Когда ты жизнь им прочил,
 я думала с тоской: а суждено ли это?
 Но я тебя звала поговорить о деле.
 Один вопрос решён, ты о другом послушай.
 Правителям страны изгнать меня угодно
 (что лучше для меня, теперь я это вижу,
 поскольку ни тебя не буду я тревожить,
 ни царскую семью, врагом ей представляясь),
 и я, конечно же, покину эту землю,
 но чтобы ты сумел заботиться о детях,
 Креонта попроси не прогонять малюток!
 Яс. Задача непроста, но стоит попытаться.
 Мед. Невесте прикажи за них замолвить слово
 перед отцом своим и отменить изгнание!
 Яс. Я так и поступлю! Царевна мне покорна!
 Мед. Она ведь женщина, как многие другие.
 Тебе я помогу в твоём труде достойном,
 подарки ей пошлю, которых нет прекрасней
 на нынешней земле, я это знаю точно –
 ажурный пеплос мой и венчик златобитный.
 Ей дети отдадут. Но нужно, чтоб скорее
 какой-нибудь слуга сюда принёс наряды!
 Пусть будет счастлива, и даже не однажды,
 но десять тысяч раз! Ей лучший муж достался
 и сказочный наряд! Его когда-то дед мой,
 великий Гелиос, вручил своим потомкам!
 Возьмите, мальчики, вот эти вещи в руки,
 невесте царственной, блаженной отнесите,
 пусть не побрезгует подарками моими!
 Яс. Зачем ты, глупая, себя же обираешь?
 Неужто царский дом нуждается в одеждах
 и золоте? Оставь! Не нужно приношений,
 ведь если ценен я в глазах моей супруги,
 она и без даров мои слова услышит!
 Мед. Молчи! Язык даров и боги понимают,
 а слиток золотой все речи перевесит!
 С ней ласкова судьба, её возносит небо,
 царицу с юных лет! Чтоб мальчиков не гнали,
 я душу ей отдам, не то что драгоценность!
 Когда вы, милые, в богатый дом войдёте,
 то госпожи моей, отца супруги новой,
 ищите милости, просите тут остаться
 и дайте ей наряд. Вам нужно непременно
 все украшения отдать ей прямо в руки!
 Идите поскорей, всё выполните точно
 и радостную весть для мамы принесите!

- Хор Нет уже больше надежды, нет никакой!
 Дети уже начинают смертный свой путь!
 Девушка скоро наденет гибель свою
 вместе с венком золотистым,
 сдавит Аидовым ядом кудри свои,
 пламенем их заменяя!
- Упоена вожделенным, дивным огнём,
 платье с венком златотканым примет она,
 быстро нарядится к свадьбе среди мертвецов!
 Пламя обнимет бедняжку,
 схватит прекрасное тело, сдавит его
 и никогда не отпустит!
- Ну а ты, бедный муж своевластной семьи,
 близкой смерти не видишь,
 ты и детям родным, и невесте своей
 боль и ужас готовишь.
 Как же ты, горемычный, ошибся судьбой!
- Я рыдаю с тобой, мать несчастных детей,
 обречённых на гибель
 из-за брачного ложа, которое муж
 нечестиво покинул,
 и теперь наслаждается новой женой!
- Пед. О, госпожа моя! Детей в стране оставят!
 Царица приняла твои дары охотно,
 и в руки их взяла, и мальчиков признала!
- Мед. А!
- Пед. Ты чем расстроена? Ведь это же удача!
 Зачем ты от меня отворотила щёку
 и радости своей как будто и не рада?
- Мед. Ах, боже мой!
- Пед. Не согласуется всё это с новостями!
- Мед. Ах, боже, боже мой! Пед. Но я не понимаю...
- Мед. Быть может, я принёс неправильную новость?
- Мед. Принёс ты что принёс. Ты в этом неповинен.
- Пед. Зачем же, госпожа, ты клонишься и плачешь?
- Мед. Приходится, старик. Такие вот поступки
 при помощи богов я совершить пытаюсь.
- Пед. А ты не унывай! Ты к мальчикам вернёшься!
- Мед. Других я, бедная, домой верну сначала!
- Пед. Крепись! Не ты одна родных детей теряешь!
 Должны мы, смертные, легко терпеть несчастья!
- Мед. Я так и сделаю. Ну, ладно. Возвращайся
 и мальчикам готовь занятия дневные.
 Ах, дети милые! У вас есть дом и город,
 где будете вы жить без матери несчастной,
 жить вечно будете, разлучены со мною!

А я в другой стране изгнанницею стану
 и взор не услажу, на ваше счастье глядя,
 ни ванны, ни жены, ни свадебного ложа
 не приготовлю вам, и факел не поставлю!
 О своеволие, как ты меня терзаешь!
 Напрасно, деточки, я грудью вас кормила,
 напрасно мучилась, и болью разрывалась,
 и в схватках родовых так плакала, кричала!
 Я, бедная, ждала, что вы меня возьмёте
 и в жалкой старости мне станете опорой,
 а после, мёртвую, обрядите пристойно,
 на зависть эллинам! Разрушились, распались
 мечтанья сладкие! Без мальчиков любимых
 мой век я проживу в терзаннях и печали!
 Не взглянете на мать глазёнками своими,
 уйдёте, милые, в безвидный облик жизни!
 О...о... Зачем в глаза вы мне глядите, дети?
 Зачем сияете улыбкою последней?
 Ах, женщины, как быть? Захолонуло сердце
 при виде мальчиков, прекрасных, светлоглазых!
 Нет-нет, я не могу! Прощайте, все решенья!
 Я заберу детей, они со мной поедут!
 Зачем их убивать, чтоб их отца ужалить,
 зачем себя казнить удвоенною казнью?
 Не будет этого! Прощайте, все решенья!
 Спокойно! Что с тобой? Ты хочешь вызвать сплетни?
 Посмешищем ходить, не отомстив злодеям?
 Давай же, соберись! То просто малодушье
 наполнило твой ум трусливыми словами!
 Вернитесь, дети, в дом! Кто правым не считает
 кровавый мой обряд, пускай об этом больше
 не беспокоится! Рука моя не дрогнет!
 *А!.. А!..
 Нет, сердце гневное, ты этого не делай!
 Оставь, оставь детей! Не тронь моих любимых!
 В далёких странствиях они тебя утешат!
 Я сворой мстителей, блуждающих в Аиде,
 клянусь вам! Нет и нет! Я мальчиков не брошу,
 чтоб негодяи тут над ними надругались!
 Им всё равно не жить! Пусть лучше мать родная,
 жизнь детям давшая, лишит их этой жизни!
 Теперь, как ни крутись, былого не воротишь,
 с венцом на голове, одета в тонкий пеплос,
 царевна входит в смерть, я это точно знаю!
 На бедственнейший путь вступаю я отныне,
 а мальчики мои – на путь ещё несчастней!
 Расстаться нам пора. Вы, дети, протяните
 ручонки правые, чтоб с мамочкой проститься!
 Ладошки милые, любимейшие губы,
 и лица светлые, и облик благородный!

Вы будьте счастливы – но там! А в мире этом
 всё отнял ваш отец! Прикосновений сладость,
 и кожа мягкая, и нежное дыханье...
 Идите же, иди... Нет, больше не могу я
 вас видеть, милые... Тоска невыносима...
 Я знаю, что́ за зло я сделать собираюсь,
 но бешенство моё сильнее, чем рассудок,
 немало страшных мук оно приносит смертным!*

Хор

Зачастую я более тонкий
 разговор заводила, и в споре
 превышала способности женщин
 к стройной мысли,
 ведь знакомо и нам вдохновенье,
 говорящее с нами разумно,
 не со всеми, нас мало на свете,
 ты одну, может, женщину встретишь
 среди многих, не чуждую музам.
 Я считаю, что те между смертных,
 что детей никогда не имели,
 превосходят по благополучью
 всех имевших,
 ведь бездетные, так и не зная,
 тяжелы ли, приятны ли дети,
 потому что семьи не имели,
 многочисленных бед избегают.
 Ну а тех, кто под крышей заводит
 милых отпрысков, знаю, забота
 изнуряет во всякое время –
 как поднять, обучить их прилично,
 как оставить им средства для жизни,
 и притом неизвестно, хороших
 или скверных
 ты потомков растишь, надрываясь!
 Я скажу и о горшей невзгоде,
 выпадающей всем этим смертным:
 средств, положим, нашли они вдоволь,
 в пору юности дети вступили,
 добродетельны и благородны,
 но внезапная смерть налетает
 и детей в царство мёртвых уносит!
 В чём же выгода, если к немалым
 человеческим бедам другую,
 хуже первой,
 насылают родителям боги?

Мед.

Подруги славные, ждала я очень долго,
 внимательно ждала, чем дело обернётся.
 Глядите, к нам идёт один из слуг Ясона,
 прерывисто дыша. Всё это означает,
 что нам он возвестит ещё одно несчастье!

ВЕСТНИК

- О, совершившая злодейское деянье,
 Медея, убегай! Спасайся хоть на судне,
 хоть на какой-нибудь наземной колеснице!
- Мед. А, собственно, зачем и от кого мне бегать?
- Вест. Царевна умерла, и вместе с ней скончался
 Креонт, её отец, от ядов окаянных!
- Мед. Прекраснейшая весть! Отныне стану другом
 и благодетелем тебя считать, любезный!
- Вест. Да что ты говоришь! Ты, женщина, здорова?
 Не помешалась ли? Очаг царей разрушив,
 ты рада вестнику и слушаешь без страха?
- Мед. Мне есть что возразить на эти порицанья.
 Не горячись, мой друг! Ты мне скажи-ка лучше:
 как умерли они? Ты счастье мне удвоишь,
 сказав, что наблюдал ужаснейшую гибель!
- Вест. Когда твоих детей двойное поколение,
 придя с отцом своим, вступило в дом царевны,
 обрадовались мы, твоей бедой больные
 рабы. У нас в ушах взгремела тотчас новость,
 что старую вражду вы с мужем завершили!
 Кто руки сыновей, кто головы целует
 светловолосые! Весь млея от восторга,
 с детьми я поспешил на половину женщин.
 А наша госпожа, взамен тебя любима,
 пока твоих детей вблизи не увидала,
 Ясона мерила ревнивыми глазами.
 Заметив же детей, ресницы опустила
 и белою щекой к стене отвортилась,
 полна гадливости. Но твой супруг, пытаясь
 утешить девушку и злость её умерить,
 сказал ей: «Не сердись и не враждуй с друзьями!
 Довольно гневаться, оборотись к нам снова,
 пусть будут общими друзья у нас отныне!
 Бери, бери дары! Проси отца, чтоб детям
 изгнание отменил! Приятное мне сделай!»
 Увидев пеплос твой, она не удержалась
 и обещала всё. Недалеко от дома
 отец и мальчики успели отдалиться,
 как пеплос красочный она взяла, надела,
 покрыла локоны веночком золотистым
 и, в светлом зеркале причёску поправляя,
 с бездушным образом улыбкой обменялась.
 Потом, из кресла встав, немного походила,
 ступая женственно ногою белоснежной,
 безмерно радуясь подаркам, то и дело
 назад отставленной ступнёю восхищаясь.
 Но тут произошло невиданное что-то:
 цвет кожи стал другим, и как-то боком, пятясь,
 царевна побрела уже нетвёрдым шагом

и, чтобы не упасть, за кресло ухватилась!
 Служанка старая, считая, что, наверно,
 Пан бедной овладел, а то и бог повыше,
 вскричала радостно, но видя, как налился
 рот пеной белою, как страшно закатились
 зрачки поблѣкших глаз и кровь с лица сбежала,
 навстречу возгласам восторга испустила
 рыданье громкое! Одна служанка мчится
 к отцу страдалицы, другая – за супругом
 с известьем горестным! Все комнаты трясутся,
 гудят от стука ног, стремительно бегущих!
 Шестиплетрѳвое ристалище измерив,
 бегун выносливый уже достиг бы цели,
 когда, придя в себя, открыв глаза большие,
 царевна бедная ужасно застонала!
 Напало на неё страдание двойное:
 облѣкший голову веночек златосветлый
 всеядным пламенем по телу растекался,
 а пеплос тоненький, детей твоих подарок,
 царевну пожирал, в плоть белую въедаясь!
 Бежит, из кресла встав, как столп огня живого,
 копной своих волос трясѳет и так, и этак,
 но только всё плотней веночек золотистый
 виски ей сдавливал, и пламя с каждым новым
 движением волос лишь ярче разгоралось!
 Вот навзничь падает, сражѳенная несчастьем,
 кто не родитель ей, с трудом её признал бы:
 ни глаз нет, ни лица, прекрасного когда-то,
 всё тело сожжено, лишь кровь ещё сочится
 с макушки головы, докрашивая пламень,
 и плоть с её костей сосновою слезою
 течѳет по челюстям невидимой отравы!
 Картина страшная! Научены несчастьем,
 мы к телу девушки боялись прикоснуться.
 Бедняга же отец, не ведая о горе,
 внезапно в дом войдя, на мѳртвую наткнулся!
 Завыл он жалобно, её руками обнял,
 целуя, говоря: «Несчастный мой ребѳенок,
 какой же бог тебя замучил так жестоко?
 Кто старого отца осиротил у гроба?
 Ах, доченька моя! С тобой бы мне погибнуть!»
 Когда же прекратил и плач, и причитанья,
 то тело дряхлое попробовал расправить,
 но прилепился весь, как плющ к побегам лавра,
 к плетенью пеплоса, и так забился дико!
 Когда же он хотел подняться на колено,
 то дочь противилась, когда он вырывался,
 то мясо старое с костей его слезало!
 Немного погодя он богу отдал душу,
 несчастный человек, он зла не пересилил!

- Лежат старик-отец и дочь его родная,
 два трупа, рядышком. Как тут не зарыдаешь!
 Не буду я тебе навязывать советов,
 ты знаешь и сама, как скрыться от расплаты.
 Я вижу не впервой бесцельность этой жизни.
 Не страшно мне сказать, что мудрецы земные,
 блистающие тут своим умом дотошным,
 непоправимый вред самим себе наносят.
 На этом свете нет ни одного счастливого.
 Богатым становясь, ты превзойдешь удачей
 соседа своего, но счастьем – и не думай!
 Похоже, в этот день судьба соединила
 Ясона с крупным злом – но так ему и надо!
 Ах, наше солнышко, как мы тебя жалеем!
 Креонта доченька, ушла ты в дом Аидов
 из-за несчастного замужества с Ясоном!
- Хор
 Подруги, решено! Мне нужно поскорее
 убить моих детей и уходить отсюда!
 Теряя время тут, я мальчиков любимых
 на гибель обреку от рук ещё враждебней!
 Им всё равно не жить! Пусть лучше мать родная,
 жизнь детям давшая, лишит их этой жизни!
 Ну, сердце, соберись! Всё! Хватит, хватит медлить!
 Ужасно это всё, но делу не поможешь!
 Несчастливая рука, вот меч! Вот меч! Бери же,
 бери его, бреди к барьеру скорбной жизни!
 Не малодушествуй! О мальчиках не думай,
 что любишь, любишь их, что их сама рожала,
 забудь на краткий день о деточках прекрасных,
 потом наплачешься! И даже убивая,
 ты любишь маленьких! Ах, как мне тошно, бедной!
- Мед.
 Земля! Всеблагий Гелиос!
 Пресветлый огонь! Увидьте её,
 жестокую мать! Не дайте убить
 любимых детей родною рукой!
 Твой род золотой продолжают они!
 Как страшно разлить бессмертную кровь
 по смертной земле!
 Божественный свет! Эрiniю жги,
 из царства теней пришедшую мстить!
 Пади на неё! Из дома гони!
 Напрасно с детьми маялась,
 напрасно в себе носила ты жизнь,
 пройдя Симплегад свинцовый проём,
 враждебнейший всем крылатым судам!
 Бедняжка, зачем нахлынула желчь
 на сердце твоё? Зачем же на кровь
 лить новую кровь?
- Хор

Убийство родных – ужаснейший грех
и скверна земли! За это падёт
удар на весь на род по воле богов!

<РЕБЁНОК> (*изнутри дома*)
Как больно!

Хор Ты слышишь ли крик? Ты слышишь детей?
Ах, что там творит злосчастная мать!
РЕБ. 1 Как быть? Куда бежать от маминой руки?
РЕБ. 2 Любимый братик мой! Не знаю! Мы погибли!
Хор Войти ли мне в дом? Хочу прекратить
убийство детей!
Реб. 1 Да, ради всех богов! Иначе будет поздно!
Реб. 2 Как близко мы с тобой к сетям её меча!
Хор Злосчастная мать, ты камень, ты сталь!
Свои же плоды
жестоко ты рвёшь, влекома судьбой!

Согласно молве, из всех матерей
одна лишь смогла детей погубить,
Ино́, рукой богов лишённая ума,
супругой Зевсовой гонимая по свету!
Бедняжка летит в солёную хлябь
за чёрный свой грех,
переступив ногой высокий берег моря,
с обоими детьми погибель разделив!
Каких же ещё злодейств ожидать?
Ах, муки любви!
Всю землю, весь мир вы поите злом!

Яс. Эй вы, любезные! Вы были в этом доме?
Хотел бы я узнать, внутри ещё злодейка,
Медея подлая? Наверное, сбежала?
Придётся в землю ей как следует зарыться,
крылами заpastить и взвиться в глубь эфира,
чтоб с нею царский дом за всё не расквитался!
Она что мнит себе? Царей поубивает
и безнаказанно из дома уберётся?
Плевать мне на неё! О детях я страдаю!
С ней царская семья расправится, конечно,
а я сюда пришёл детей обезопасить,
чтоб родичи царя на них не отыгрались
за грязные дела их матери-убийцы!
Хор Несчастный, ты ещё всех бед своих не знаешь,
иначе ты, Ясон, запел бы по-другому!
Яс. Да что ты! Эта дрянь и за меня возьмётся?
Хор Убиты мальчики рукою материнской!
Яс. Ах, горе! Женщина! Меня ты погубила!
Хор Погибли мальчики! Пойми же, горемычный!

Яс. Где кровь их пролилась? В их комнате? Снаружи?
 Хор Ворота отворив, увидишь деток мёртвых!
 Яс. Эй, слуги! Поскорей засовы отодвиньте,
 ломайте все замки! Откройте зло двойное:
 и мёртвых мальчиков <и мерзкую злодейку,
 детей убившую!> Сейчас ей будет радость!

[Сверху появляется Медея на запряжённой крылатыми драконами колеснице, полученной от Гелиоса.]

Мед. Чего ты так стучишь? Чего ломаешь двери?
 Зачем тебе искать убитых и убийцу?
 Не утруждай себя! Пришёл сюда по делу,
 так говори со мной, меня же ты не тронешь!
 Мне дед мой, Гелиос, дал эту колесницу,
 чтоб защитить меня от недругов заклятых!

Яс. Поганая ты тварь! Ах, как же ты противна
 и небесам, и мне, и всем живущим людям!
 Ты собственных детей пронзить мечом посмела
 и обрела меня на вечную бездетность!
 Такое страшное содеяв преступленье,
 дерзаешь ты смотреть на солнце и на землю?
 Издохни, подлая! Теперь я понимаю,
 каким я был глупцом, когда тебя из леса
 в дом греческий привёз, премерзкое исчадьё,
 продавшее отца и край, тебя вскормивший!
 Меня, а не тебя, сразил небесный мститель!
 Убила брата ты! Сама, в своём же доме,
 и села на корабль, Арго прекрасноносый!
 Ты так всё начала! Потом ты вышла замуж,
 имела двух детей! Когда же брак распался,
 мечом зарезала своих детей любимых!
 Такое хоть одной, хоть самой злой гречанке
 пришло бы в голову? Но нет! Я их не выбрал,
 а с ведьмой снюхался, злопамятной, жестокой!
 Да ты не женщина! Ты львица! Ты и Скиллу
 тирренскую затмишь своим нутром свирепым!
 Тебя не уязвить и шквалом порицаний,
 так дерзостью тебя природа оградила!
 Пошла отсюда, дрянь! Детоубийца! Стерва!
 А мне судьбу мою оплакивать осталось!
 Постелью свадебной не смог я насладиться,
 утратил и детей, которых я лелеял,
 кормил своей рукой! Мы навсегда расстались!

Мед. Пространно возразить смогла бы я на эти
 тирады гневные, но Зевс-отец всё знает,
 как ты мне сострадал и чем ты мне ответил!
 Не удалось тебе, мою любовь позоря,
 роскошествовать тут и надо мной смеяться
 с твоей царвеною! Креонт же, вас женивший,

не смог меня прогнать, не понеся расплаты!
 Зови меня теперь и львицей, если хочешь,
 и Скиллой, что жила у заводей тирренских,
 я сердца твоего как следует коснулась!

Яс. И ты ведь мучишься, и ты ведь стала жертвой!
 Мес. Всё так! Но эта боль твой хохот приглушила!
 Яс. Ах, дети! Что за мать досталась вам, бедняжкам!
 Мед. Ах, мальчики мои! Отец вас уничтожил!
 Яс. Но не моей рукой убиты наши дети!
 Мед. А браком дерзостным, недавно заключённым!
 Яс. Ты думала, мой брак – причина для убийства?
 Мед. Ты это малостью для женщины считаешь?
 Яс. Для здравомыслящей! Тебе же всё – несчастье!
 Мед. А детки-то мертвы! Давай! Рыдай погромче!
 Яс. Они два мстителя на голову мерзавки!
 Мед. Богов не проведёшь! Там знают, кто всё начал!
 Яс. Там знают, что в душе у этой гадкой твари!
 Мед. Бесись, подлец! Рычи! Твой голос мне противен!
 Яс. А мне противен твой! Расстаться будет просто!
 Мед. Да как? Что сделать мне! Об этом и мечтаю!
 Яс. Дай мёртвых погresti! Позволь мне их оплакать!
 Мед. И не подумаю! Я им найду могилу
 вблизи святилища высокосветлой Геры,
 чтоб недруг никакой над ними не глумился,
 тела их откопав! А этот край сизифов
 получит празднество и вечные обряды,
 мной учреждённые за грязное убийство!
 Сама же я лечу в державу Эрехтея,
 Эгей Пандионид мне там супругом станет!
 А ты бездарно жил, бездарно и погибнешь,
 куском кормы Арго по голове ударен,
 и точку горькую в моей любви поставишь!

Яс. За детей пусть Эрíния взыщет
 и убийственная Справедливость!

Мед. Что за бог, что за сила услышит
 подлеца, нарушителя клятвы?

Яс. Дрянь ты гнусная! Детоубийца!
 Мед. Уходи! Рой могилу невесте!
 Яс. Ухожу, без детей моих бедных!
 Мед. Поберёг бы ты слёзы на старость!
 Яс. Дорогие! Мед. Для матери только!
 Яс. Их убившей! Мед. Тебе на мученье!
 Яс. Как хочу я, несчастный, коснуться
 детских губ, ненаглядных, бесценных!

Мед. Вот зовёшь их и любишь, а прежде
 оттолкнул! Яс. Умоляю богами,
 дай обнять мне детей драгоценных!

Мед. Ни за что! Бесполезная просьба!
 Яс. Зевс, ты слышишь ли, как меня гонят,
 что терплю я от этой поганой,

этой детоубийственной львицы?
Но всегда, сколько сил моих станет,
слёзно звать я в свидетели буду
и богов, и небесные силы –
ты убила детей, не даёшь мне
тронуть мёртвых, укрыть их в могиле!
И зачем я детьми обзавёлся?
Не видал бы, как ты их сгубила!

Хор Многим Зевс управляет с Олимпа,
 много странного делают боги.
 Ожидаемое не свершилось,
 а неожиданное бог исполняет.
 Вот на этом и кончилось дело!

Первый вариант – 2009 (Брисбен)

Второй вариант – 5.11-31.12.2015 (Москва–Новороссийск–Москва)

Переработка – 19.03-18.04 (Брисбен)